

EDN: IINRKG
УДК 114; 130.3

The Individual's Living Space and Ways of Understanding It

Andrei M. Sergeev*

*Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation*

Received 24.10.2023, received in revised form 24.10.2023, accepted 07.11.2023

Abstract. The article deals with the problem of the formation and existence of the living space of the individual, as well as ways of understanding it, when both an individual and a separate people can be understood as an individual. In this connection P.A. Florensky's concept of understanding space about the multiplicity of human spaces is analyzed.

A significant point in understanding individual life space is the crossing of the horizontal of existence with the vertical section, connected with the necessity of surpassing and deepening the horizontal of existence. The understanding of space is carried out on the basis of the individual's presence in the world, thanks to which he is provided with the vastness and breadth of the world and endowed with the scope of its openness and power. At the same time, in setting the boundaries of his existence, the individual is bound to two sides of the border: the inner and the open. All this leads to the fact that a characteristic feature of the individual's understanding of his ontological position is contradictory. The various aspects of this contradictory nature of all individuality are intermediarity, duality, and binarity. In view of this it is necessary to keep the very contradiction of thesis and antithesis in a fundamentally undiminished state, and any synthesis of them should be seen only as a temporary combination.

An important point in understanding the individual life-space and individual existence is the inter esse position, where the individual is defined both in what "is" and in what "is not". Another, no less important point in understanding the individual's life space is to consider it in the optics of combining and opposing metrics and topics.

Keywords: space, world, living space, inner world, border, being "between", binary, duality, metric, topic.

Research area: philosophical anthropology, philosophy of culture.

Citation: Sergeev A. M. The individual's living space and ways of understanding it. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(12), 2236–2247. EDN: IINRKG

Жизненное пространство индивида и способы его понимания

А.М. Сергеев

*Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Аннотация. В статье обсуждается проблема формирования и существования жизненного пространства индивида, а также способов его понимания, когда в качестве индивида может рассматриваться как отдельный человек, так и отдельный народ. В связи с этим анализируется концепция понимания пространства П. А. Флоренского о множественности человеческих пространств.

Значимым моментом понимания индивидуального жизненного пространства является скрещение горизонтали существования с вертикальным сечением, связанное с необходимостью превосходения и углубления горизонтали существования. Понимание пространства осуществляется исходя из присутствия индивида в мире, благодаря чему он обеспечен простором и шириной мира и наделен размахом его открытости и силы.

Вместе с тем, устанавливая границы своего существования, индивид связан с двумя сторонами границы: внутренней и открытой. Все это приводит к тому, что характерной чертой понимания индивидом своего онтологического положения оказывается противоречивость. Различными аспектами такой противоречивости всякой индивидуальности становятся промежуточность, двойственность и бинарность. Ввиду этого необходимо сохранять само противоречие тезиса и антитезиса в принципиально не ослабленном состоянии, а любой их синтез надлежит рассматривать только как временную комбинацию.

Важным моментом понимания индивидуального жизненного пространства и бытия индивида является положение «между» («inter esse»), когда индивид определяется и в том, что «есть», и в том, что «не есть». Другим, не менее значимым моментом понимания жизненного пространства индивида является рассмотрение его в оптике сочетания и противопоставления метрики и топика.

Ключевые слова: пространство, мир, жизненное пространство, внутренний мир, граница, бытие «между», бинарность, двойственность, метрика, топика.

Научная специальность: 5.7.8 – философская антропология, философия культуры.

Цитирование: Сергеев А. М. Жизненное пространство индивида и способы его понимания. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(12), 2236–2247. EDN: IINRKG

Человек во множестве жизненных пространств

Человек пребывает не в одном, но в разных пространствах, оживляя их своим участием, продлевая свою жизнь посредством пространств. Начала и концы пространств имеют открытый характер со всеми вытека-

ющими последствиями. Пространство, соотношенное с человеком, всегда будет представлять в качестве формы, благодаря которой человек понимает свою жизнь и себя в ней, выделяя природное пространство, жизненное пространство своего природного вида – пространство жизни вида *Homo sapiens*, свое

природно-жизненное пространство. Наряду с этим человек выделяет различные социальные, исторические, национальные, государственные, идейные, концептуальные и различные другие пространства. Разумеется, можно полагать, что такое множество различных пространств людей входит в одно единое – безличное – пространство, однако и при таком подходе количество пространств также множится и разрастается, ибо в зависимости от точки отсчета можно говорить о земном пространстве, пространстве нашей галактики, пространствах материальной и умозрительной Вселенных.

Все это говорит о том, что пространство является формой индивидуального бытия, т.е. своеобразной «порцией» жизни, благодаря которой определяется и способно быть понято единство отдельных жизненных содержаний такого индивидуального бытия. Пространство выступает своеобразным «континуумом», внутри которого существует и живет индивид. Причем под индивидом можно понимать и каждого отдельного человека, и всякий отдельный народ.

Концепция пространства

П. А. Флоренского

Говоря о множественности пространств, важно обратиться к пониманию пространства П. А. Флоренским, который длительное время работал над проблемой исследования специфики художественно-образительного пространства и эстетического пространства (Florensky, 2000). Именно в контексте такого начинания он анализирует три вида пространства, существенно влияющих на представления человека о пространстве (Florensky, 2000: 274–296), когда, наряду с пространством канто-евклидовым (или евклидовско-кантовским), т.е. отвлеченным, геометрическим пространством, выделяется пространство физическое и пространство психофизиологическое. Причем, за исключением геометрического пространства, в каждом из видов пространства, детализируя, можно выделять множество пространств. Три слоя в понимании пространства – ге-

ометрический, физический и психофизиологический – последовательно приближают к пониманию конкретного пространства, связанного с жизненным опытом всякого человека (Florensky, 2000: 284).

Как отмечает Флоренский, евклидовско-кантовское пространство свободно «от малейшего признака антропоцентричности» (Florensky, 2000: 276). Иначе говоря, такое пространство является безличным. В связи с этим Флоренский акцентирует внимание на следующих его признаках: бесконечности, беспредельности, однородности, изотропности, связанности, однозначности, трехмерности, постоянной кривизне, равной нулю (Florensky, 2000: 277).

Наряду с этим отмечается, что уже физическое, т.е. природное пространство «имеет признаки, существенно отличные от перечисленных выше» (Florensky, 2000: 283). Говоря о пространстве психофизиологическом, подчеркивается принципиальная множественность таких пространств, что связано с разнородностью зрительного и мышечного пространств, а в их пределах – с разнородностью зрительно-двигательного, мышечно-осознательного, слухового, термического, обонятельного, вкусового и других, более частных пространств, соответствующих разным группам восприятий.

Характеризуя психофизиологическое пространство в целом, Флоренский акцентирует внимание на том, что оно непосредственно связано и соизмеримо с человеком, областью его жизни и его самораскрытием. Такое пространство в расширенном смысле есть «собственное человеческое жилье» (Florensky, 2000: 286). В отличие от евклидовско-кантовского пространства, психофизиологическое пространство не бесконечно, не беспредельно, не однородно и имеет различную емкость в разных местах, не изотропно, прерывисто и не однозначно (Florensky, 2000: 287–296).

Понимание пространства по схеме канто-евклидова пространства существенно и значительно искажает опыт непосредственного понимания пространства каждым человеком. Как отмечает Флоренский,

«вне эмпирических восприятий, пространство ни для чего не нужно», тогда как анализ человеческих восприятий «показывает, что в евклидовском пространстве им нет места и быть не может, и кантовская форма восприятия оказывается пустою, а сами восприятия – располагающимися в своей не-кантовской форме» (Florensky, 2000: 295). Таким образом, Флоренский показывает нам, что человек имеет разный опыт понимания пространства и устраивает свою жизнь в разных пространствах и множественности пространств.

Горизонталь пространства и его вертикальное сечение

Ориентация исключительно на пространство не позволяет индивиду оторваться от земли, не дает ему жить внутренним миром, побуждениями и движениями его души. Сосредотачиваясь на земном, индивид все последовательнее начинает жить устройством своего жизненного пространства и передвижением внутренних пространственных масс, перестраивая и переделывая природное пространство и придавая ему новые конфигурации. Но, обустривая пространство под себя, ни человек, ни народ не может устроиться в пространстве в полной мере. Пусть и смутно, но он знает, что ему мало любого пространства, и его метафизика разворачивается поверх пространства – в вертикальном сечении пространства путем его превосхождения и углубления. Ни человек, ни народ не могут занять себя сугубо природным устройством: временами они испытывают приступы донесения всей правды жизни – правды мира, которая проговаривается и входит в жизнь через них. История взаимодействия индивида с земным пространством показывает, что ни одна попытка устройства и переустройства физического пространства не удовлетворяет его полностью и потому никогда не является окончательной.

Стоит обратить внимание на то, что войны за земные пространства для русского человека связаны не только, и не столько, с приобретением природного пространства.

Каждая такая война – это отклик на бури, происходящие в душе человека. Война – это другая сторона связанности русского человека с тем, что разворачивается поверх и в глубине земли. Речь идет о мире и о русском человеке как о том, через что разворачивается дело мира. Русский человек чувствует себя тесно связанным с миром и откликается на свою связь с ним, реагируя на любые порывы усиления и ослабления такой своей связанности с миром, пребывая внутри земного пространства. По крайней мере, сам русский человек так об этом думает и так себе это представляет. Поэтому он и не знает, что делать с доставшимися ему земными пространствами: он их как-то, конечно, обустривает, но не вкладывает в это дело всего себя. И даже если какое-то обустройство пространства и происходит, то это еще ничего не значит, ибо русский человек готов бросить любое налаженное дело, связанное с пространством, ради дела мира и ради своего внутреннего мира.

Когда человек целостен, он живет, в первую очередь не пространством, но именно внутренним миром, понимая пространство и его границы исходя из этого. Пространство замечается по мере выхода человека за пределы себя, когда он начинает ощущать свою множественность и различает себя в ней. Тогда пространство может восприниматься препятствием на пути человека к себе, т.е. тем, что он должен преодолеть, чтобы собраться в себе. Вместе с тем пространство может пониматься способом выхода человека за пределы себя, т.е. способом перехода своего внутреннего мира в существование, которое раскрывается вовне человека.

Если человек предельно собран в себе, то это происходит не в координатах широты и длины, а в координате вертикали, т.е. на высоте и на глубине самого себя. Речь идет о вертикали, связывающей небесное и подземное, в результате чего пространство земли воспринимается из присутствия или отсутствия такой вертикали. Но человеку всегда мало и не хватает данности. В пространство, измеряемое данностью, вносится координата смысла, когда дан-

ность теперь уже понимается заданностью. И когда человек примеривается к пространству и задает ему меру, он делает это на основе соотнесения себя с безмерным. Силу жизни человек выдерживает тем, что определяет пространство по своей мерке. Жизнь всегда нами отмеряется, определяется и ограничивается. Однако именно безмерность мира и безмерность человека, пребывающего в мире, позволяет ему задавать меру всему, что есть в мире. Человек есть трансцендентное единство всего того, что измеряется и чему можно задать меру. Он связан с миром и обеспечен им сразу, с момента своего вхождения в мир. Поэтому все, что открывается человеку в мире, имеет свою меру мира. Безмерность человека позволяет ему сосредотачивать в себе мир и различать разные меры мира.

Мир может представлять человеку и народу разным, на то он и мир, способный вместить в себя все (Bibikyin, 1995, 2005, 2019). Но индивид может не быть готов к этому. Мир может повернуться к нам совсем не тем образом, который мы ждем, и к которому мы готовы. Индивид склонен измерять мир своей мерой, которая всегда мала. Так что его отношения с миром строятся через не связываемые между собой разрывы. Не выдерживая этого, индивид пытается соотносить себя с миром рациональным образом, что не влечет за собой потрясений его существа и не связано с катастрофами его налаженного существования. Однако реальное вторжение мира в пространство земного существования индивида может разом обернуться тем, что его привычный и подручный порядок будет разрушен.

Человек подвержен закону тяжести, но может и восходить, преодолевая свою тяжесть. В результате любая человеческая жизнь предстает перебивами одного и другого, когда отдельные содержания стыкуются между собой тогда, когда связаны одним основанием: либо нисхождением, либо восхождением. Но дело в том, что нисхождение и восхождение не связаны только как отрицающие друг друга – противоположные – моменты, по типу сугубо

«негативной» и сугубо «позитивной» коннотации. Углубление прямо связано с восхождением: и то и другое имеет отношение к смысловой – вертикальной – координате индивидуальной жизни, которая является поперечным сечением по отношению к горизонтали широты и длины земного существования индивида.

Вертикальное сечение нельзя соотносить только с земным пространством, ибо в противном случае создается иллюзия того, что движение вниз тождественно падению, но не углублению. Вертикаль пронизывает земную горизонталь и связана с восхождением индивида и с его углублением. Индивид продвигается вверх путем крайнего своего напряжения, тогда падает он помимо себя, не являясь при этом активной величиной, однако и углубление индивида происходит также путем крайнего напряжения. Если бинарность земного существования индивида оказывается не соотнесенной с бинарностью вертикали, то в результате отсутствия такого скрещения он утрачивает ясность своего онтологического положения, когда «каша в голове» оказывается «сырой» и «не сваренной» (Levi-Strauss, 2000).

Разумеется, в какой момент жизни важным становится то, с какой именно – с нижней или высшей – точкой вертикали индивид себя отождествляет, и какой горизонт такой вертикали для него является определяющим, либо верх, либо низ. С какого-то момента жизни одна из этих точек вертикали может становиться преобладающей. Но ни человека, ни народа нет, если есть только одна точка: сопряжение жизни индивида с вертикалью, привносящий в нее смысл, неизбежно предполагает и вторую точку этой координаты. Пусть в конкретный момент жизни индивид связывает себя только с одним из таких начал – с верхом или с низом, с восхождением или углублением, однако, отождествляя себя с одним, с другим началом он тоже связан и что-то о нем знает.

Вместе с тем расположение индивида в горизонтали своего существования оказывается не простым расширением длины.

Само действие удлинения и сужения существующего уже раскрывается на основании того, что открывается индивиду, когда открывающееся – в виде простора и размаха мира – является основанием совершения «захватов» индивидом того, что ему открылось. Захваты, располагающиеся в перспективе длины жизни и длины отдельных ее периодов, – это ответ индивида на то, что его уже захватило: ответ на захват самого индивида миром.

Человек может быть открыт разному и всему, однако такая открытость человека ограничивается разумом, когда он стремится задать всему открытому определенную концептуальную и содержательную рамку. Другим ограничением открытости человека становится тело (или природа). И хотя и разум, и наша телесная природа могут быть культивируемыми и благодаря этому как-то «подтянутыми» к порывам открытости, разрыв между открывающимся и разумением его, как и с освоением открывающегося телом, всегда значим.

Пространство и мир

Связывая себя с простором открывающегося мира, индивид не только надеется размахом такой открытости и силой мира, но и испытывается этим. Само начало индивида и его лицо определяются в отношении к простору мира: без мира и его силы индивид себя не знает: он напитывается простором мира и расширяется благодаря этому. Лучше, если меру своего простора индивид вымеряет сам, ибо в случае, когда такая мера задается ему извне и становится строго дозированной, то жизнь индивида свертывается до сугубо физического размера, что не позволяет ему расширяться.

Внутри мира и его простора каждое действие индивида оказывается в горизонте риска, ослабление которого связано с установлением границ и размеров ограниченного. Однако установление любых границ, как и всякой длины ими ограниченного пространства, совершается в мире, и потому они – условны и произвольны. Именно мир дает индивиду возможность

собираться и тратить себя. Мир обеспечивает его свободой, собирает его в своем существе и позволяет ему тратить себя на что угодно, на разное и многое. Простор мира обеспечивает простор воли индивида. Сила воли и человека, и народа – от силы и воли мира, если только они способны все это выдержать.

Воля индивида есть то, что больше его самого: такая воля – от воли мира. Воля – это простор жизни, и, оказываясь на просторе, индивид ведом именно им. Открываясь жизни, индивид может связывать и отождествлять волю с собой, но происходит это потому, что простор уже его ведет. Будучи на просторе, индивид выходит за пределы своего «Я», рвет связи со всеми состоявшимися определенностями, которые – теперь уже – оказываются в прошлом. Как метко замечает В. В. Бибахин, «упоительным идеалом свободы неслучайно считается неволя» (Bibikyn, 2022: 254).

В таком контексте невольное чувство, невольная мысль, невольное слово и невольное действие, если они случаются, связываются с самым важным в человеке, когда предполагается, что в невольном выражении человек выражает именно себя, потому что сам он ведом миром.

Само дело установления индивидуальных границ в первую очередь проявляет себя в линии горизонтали, ибо в вертикали восхождения-углубления границы условны и субъективны, ввиду чего невозможно сопоставить границы «восхождения» и «углубления» разных индивидов между собой. О сравнении индивидуального «возвышения» и индивидуального «падения» можно говорить только относительно горизонтали существования разных индивидов, но не применительно к смысловой вертикали жизни. Человек и народ ограничивают и определяют мир в горизонте пространства, которое понимается как форма или среда (континуум) их существования. Именно здесь устанавливаются и переустанавливаются, сопоставляются и противопоставляются различные границы, выделяющие отдельные аспекты жизни.

Внутренняя и открытая стороны границы

Однако важно обратить внимание на то, что у любой стороны границы есть внутренняя и открытая стороны. И несмотря на то, что в параметрах своего существования индивид всегда оказывается на внутренней стороне границы и ее по преимуществу отстаивает, он также связан и с открытой стороной границы, ориентируется на нее и введом ею. Но тогда положение индивида определяется между верхом и низом в деле восхождения и углубления себя в перспективе открытости себя захвату мира и ответа на такой захват своим захватом, но вместе с тем положение индивида выявляется между внутренней и открытой сторонами границы в замыкании длины границей в ее перспективе шири и дали.

По большому счету индивиду надо держаться в первую очередь именно такого знания, которое сохраняет связь с открытой стороной границы, ибо только такое знание приобщает его к своему онтологическому положению, тогда как знание, связанное с внутренней стороной, носит только временный и частный характер. Индивиду нельзя забывать о своей связи с другим: ему нельзя забывать о другом и его присутствии в себе самом.

Промежуточность, двойственность и бинарность положения человека

Величина индивида определяется в его движении «от» и «к», и обратно, а также в «узлах» и «складках» таких движений. Важно принять неустранимость положения индивида, связанного с «между», но тогда отождествление индивидом себя с какой-то одной координатой, будь то верх или низ, внутренняя или открытая стороны границы, иллюзорно. Скорее, индивид начинает проникать в себя и понимать свое онтологическое и экзистенциальное положение через взаимодействие восхождения и углубления, а также в связи внутренней и открытой сторон границы. Все то, что связано с существом, оказывается соотношенным индивидом с горизонтом риска, с неисчезающей двойственностью и бинарностью,

присущей каждому его выбору. Границы выбранного – его внутренней и внешней определенности, природной и исторической состоятельности – отстаиваются самим индивидом, но не являются раз и навсегда данными.

И человек, и народ больше и глубже любой позиции, с которыми они себя связывают, также как они больше и глубже любой позиции, с которой их связывают другие. Даже если в таком ракурсе поведение индивида выглядит не принципиальным, надо отметить то, что любой и всякой позиции индивиду мало: он может отождествлять себя с другими – потенциально любыми другими – позициями и жить ими. Иначе говоря, в нем могут проговариваться и другие голоса мира. И в этом отношении любой индивид есть противоречие и двойственность. Не двойственна только данность, но индивиду мало данности, в ней он воспринимает заданность и цель, начало и перспективу, подразумевая движение к другому.

Двойственность индивида – неотменимая черта его жизни. Антитезис не устраняет тезис: и то и другое – неизбежно, тогда как многочисленные синтезы носят сугубо временный и всегда только частичный характер, хотя такой выбор и такая избранность способны затмевать собой все. Вместе с тем значение любого отдельного события индивидуальной жизни раскрывается только в его соотношенности со своим жизненным измерением, определяющимся в скрещении ее вертикального и горизонтального сечений. Различные «жизненные» синтезы являются «производными» результатами сопряжения восхождения и углубления, как и эффектами соотношения внутренней и открытой стороной границы. Вне такого континуального измерения, а точнее – вне пересечения двух континуумов вертикали и горизонтали – не удастся выявить событийной стороны индивидуальной жизни, в результате чего утрачивается смысловая ее ориентация, когда индивид не понимает, что он есть, как он есть, почему он есть и зачем он есть.

Срыв в углублении и расширении внутреннего пространства индивида может

оборачиваться расширением его внешнего жизненного пространства и наоборот. Однако сам статус срединности и промежуточности измерения индивидуальной жизни должен непременно отстаиваться и сохраняться. Индивид всегда уже как-то отвечает своему онтологическому положению – положению «между»: отвечает напряжению, создаваемому соотношением верха и низа и соотношением внутренней и открытой стороны границы. Это является неустранимым условием, даже если индивид сбивается с такого понимания.

Положение «между» нередко оказывается заслоненным чем-либо. Но любой «сбой» – в своей основе – проистекает от желания индивида ослабить двойственность и бинарность своего положения, а также свести присущее ему напряжение на «нет» путем сведения к однозначности. Не выдерживая противоречия, лежащего в основании своей онтологии, он идет на ослабление напряжения, создаваемого положением «между», когда отождествляет себя только с чем-то одним: либо с верхом, либо с низом, либо с внутренней, либо с открытой стороной границы. Но восхождение и углубление индивида никогда не оканчивается: пока он живет, он то восходит над собой, то впадает в углубление себя. Также он всегда стремится раздвинуть границу, пытаясь выйти на открытую ее сторону, хотя оказывается на внутренней ее стороне, как бы широко ни отодвигал границу. Индивид не может связать себя ни с белым светом, ни с тьмой. Приближаясь к ним, он всегда отдаляется от них: любая возникающая определенность – временна и условна, и она отменяется ввиду этого новой – другой – определенностью.

«Свое» – это только временный статус, которым обозначается момент освоения индивидом другого. И любое «свое» со временем оказывается отстранено другим «своим». Так что за всякое «свое» не надо держаться во что бы то ни стало: необходимо сосредоточиться на том, что «свое» всегда разворачивается на основе другого, являясь разными его аспектами, когда любого вложения в другое человеку всегда

и везде недостаточно. Безусловной является сама промежуточность индивида и то, что он может касаться противоположного и затрагивать его, но не может его присваивать, не может сделать своей собственностью и владением¹.

Открывающееся индивиду принципиально не может стать его обладанием. И он должен понять, что все, что ему открывается в мире, нужно отпустить в мир обратно. Ничто из почувствованного, помысленного, понятого и сказанного нельзя себе присвоить: оно входит в индивидуальную жизнь из мира, и если индивид может и способен открываться всему, что есть в мире, то такое открывающееся и открытое должно вернуться в мир. Положение индивида таково, что на всем, что входит и может войти в него, никогда не может быть поставлена точка: любая точка здесь способна превратиться в запятую и многоточие. Открытость обваливает любые варианты обоснованности и окончательности.

Промежуточность индивида – эта другая сторона его противоречивости и двойственности – проявляется в том, что мера одной стороны не соотносится с мерой другой стороны полностью. Всегда обнаруживается некий непропорциональный «остаток». Этот «остаток» и есть сам индивид, что проявляется в его силе, побуждающей самого индивида к установлению своей меры то к одной, то к другой сторонам жизни. Само приложение меры своего к другому и меры другого – к своему не может обернуться состоянием равновесия, мотивируя индивида не успокаиваться и не довольствоваться ничем достигнутым, побуждая его совершать новые действия.

Имея отношение к двум сторонам границы, индивид может отстаивать любую ее сторону. Но какой бы выбор он ни сделал, ему не устроиться только на одной ее стороне. На границе не усидишь: выбор нужно отстаивать и каждый следующий раз нужно делать новый выбор. Однако приходится

¹ Здесь надо оговорить то, что «свое» и «другое» являются четкими маркерами понимания в отличие от маркера «наше», введение которого притупляет и ослабляет ясность в понимании.

не только охранять границу и отстаивать выбранное, надо также сохранять ее между ближайшим и отдаленным и удерживаться от отождествлений первого со вторым. Иначе говоря, надо отстаивать само соотношение одного и другого, отстаивать свое онтологическое положение – положение «между».

Индивид есть мост между бесконечным и конечным, которые не могут слиться и раствориться друг в друге. При их смешении между собой индивидуальное бытие оказывается сведенным к индивидуальности существования. Будучи между бесконечным и конечным и принимая то одну, то другую стороны, индивид сохраняет саму противоречивость тем, что принимает ее в себя, и все содержание его жизни оказывается обусловленным этим.

Онтологическое положение человека:

бытие «между»

Положение «между» раскрывается в слове «интерес»: «interest» от «inter esse». Индивид испытывает интерес, когда он увлечен и ведом тем, что ему интересно: ему интересно тогда, когда он входит во что-то и располагает в чем-то. Иначе говоря, индивид «есть в чем-то», «есть внутри», «есть между». Будучи увлеченным, он преодолевает свою тяжесть, наполняется жизнью и начинает воспринимать все через «есть». Все оказывается связано с тем, что такое «все» есть. Все и начинается с интереса, когда индивид замечает то, что не замечал ранее. Уже потом, основываясь на «есть», нечто кажется и раскрывает себя индивиду. Но тогда интерес освобождает его от того, что не имеет к нему прямого отношения: интересуясь, индивид преодолевает тяжесть существования и, отстраняясь от тяготения, становится свободным.

«Есть» обычно закрыто разными «что» и «кто», которые не дают его понять. Но «есть» всегда уже здесь, даже если мы его не замечаем. Все уже обеспечено «есть», располагаясь на его основании и в его округе. Говорить о «есть» трудно, ибо сбиваешься с «есть» на то, «что» уже есть. Говорение о бытии может выглядеть кликушеством,

ибо многое здесь не договорено и проваливается в немислимое, невнятное и несхватываемое, ведь мыслишь нечто, внимаешь чему-то, схватываешь что-то. Бытие оказывается связанным с тем, что взять невозможно. Индивиду это не по силам: «есть» связано с «не», как и с молчанием об этом. Положения человека и народа с бытием, раскрывающимся в «есть» существующего, настолько не просты, что в понимании себя они прибегают к тому, что не есть. Так, в частности, индивид обосновывает себя на основе формы «Я», которой нет как чего-либо существующего.

Заметим, что то, посредством чего человек воспринимает и понимает себя, само не является тем, что пространственно. Так, «Я» оказывается формой, предшествующей человеку. И не во власти человека иметь такую форму и обладать ей: сама такая форма «Я» – это привилегия не человека, но привилегия мира. И если человек сталкивается с такой формой и соотносит ее с собой, то это происходит не по его произволению. Человек жаждет узнать себя и в порыве такого стремления раскрывает себя простору и воле мира, обретая – на время такого раскрытия себя миру – безличную форму «Я»². Пустота формы «Я» позволяет ей быть наполненной разным и любым содержанием. Метафизическая форма «Я» – это такое начало, которое позволяет стать началом любого и всякого человека, позволяя ему связывать себя со всем в виде различных содержаний жизни. Однако сама форма «Я» не принадлежит человеку: в ней нет никакой содержательности, и она – чистая форма. «Я» каждого человека определяется на основе метафизического «Я», благодаря чему человек может «начинаться» и исходить из «своего» начала жизни,

² Так, по мнению Э. Бенвениста, форма «Я» не предполагает такого объекта, как «Я»: его как раз и не существует. «Я» оказывается исключительно языковой реальностью, благодаря которой язык создает «пустые» знаки, свободные от референтной соотнесенности с реальностью, что и позволяет любому человеку, идентифицируя себя с «пустой» языковой формой «Я», входить в речь (и в язык) и становиться речевым (языковым) субъектом (Benveniste, 2010; 286–291).

тогда как само такое начало – ничейное: оно ни «мое», ни «твое», ни «его», ни «ее» и ни «их».

Между тем, возвращаясь к характеристике «есть» и значимости его для индивида, заметим следующее. Человеку и народу крайне важно определиться в том, что у них есть, и выявить предел того, что есть, а что – не есть. Во всякой констатации, всяком утверждении и отрицании «есть» уже как-то – явно или не явно – присутствует. И познание того, что собственно есть, оказывается не теоретическим, но практическим знанием. Такое знание – неотменимо и незаместимо, ибо здесь индивид сталкивается не с тем, что было или возможно будет, а с тем, что данное именно есть.

Индивид всегда обеспечен бытием: он связан с «есть» и может исходить из того, что все – чем бы оно ни было – есть. Вместе с тем сам индивид тоже есть. И такое «есть» должно приводить его в чувство: участвуя в «есть», индивид должен ему соответствовать. Однако обеспечение бытием, т.е. тем, что все уже есть, способно обернуться – опять же раскрывая противоречивость и двойственность существа нашей жизни – тем, что индивид начинает вести себя как «хозяин» или «владелец» бытия. В таком случае вопрос о бытии становится непонятен ввиду того, что он оказывается прикрытым вопросом о бытии сущего.

Наряду с тем, что индивид может исходить из того, что сущее «есть», он также может акцентировать свое внимание не на «есть», а на том, «что» есть, т.е. на том, что есть «сущее». Техника обеспечивает возможность отношения индивида к чему-либо как наличному, т.е. возможность отношения к тому, «что» есть. Удивительно, однако, другое: то, что сущее «есть». И это «есть» раскрывает возможность человека заметить и выделить какое-то сущее. Если бы этого не происходило, сущее сразу бы распалось, едва начавшись, и не длилось бы. Так, индивид относится к сущему из бытия: он раскрывает бытие сущего исходя из своего укоренения в отношении с бытием и своего расположения в отношении сущего с бытием.

Каждый раз, когда индивид заявляет о каком-то «есть», он с чего-то начинается и что-то оконечивает. Но такому «есть» предшествует другое «есть», также за каждым нашим конечным «есть» определяется новое «есть». И так – без начала и конца³. Но без ограничения открытости в восприятии и понимании чего-либо индивиду трудно, и без «есть» невозможно соотносить себя со всем. Само нечто определяется через «есть», которое образует континуум, в котором что-либо происходит. Посредством «есть» нечто начинает быть, начинает быть выделенным. И до «есть» нет никакого нечего: нечто начинает быть с «есть».

Топика и метрика

Само понимание пространства совершается индивидом внутри мира, который всегда его уже захватил и которому он всегда отвечает. Опоздание к началу себя побуждает индивида к осознанию дистанции между собой и миром и к необходимости калькуляции такой дистанции. Дистанцией между миром и индивидом оказывается пространство, проходя и рассчитывая которое, индивид пытается пробиться к миру или как-то приблизиться к нему. Иначе говоря, к топике индивид стремится выйти, преодолевая метрику⁴. Правда, пространство может пониматься индивидом не из метрики, но из самой топике, т.е. пониматься не аналитически, а метафизически.

Вне технически организованных конвенциональных областей пространство обычно и понимается индивидом не метрически или, по крайней мере, не только метрически. При таком – принципиально не схематическом – отношении к пространству оно как раз и может восприниматься особенным и живым. Так как калькуляция поверхности способна длиться бесконечно, а жизнь индивида конечна, это побуждает

³ О разных аспектах понимания проблемы начал и концов смотри следующее издание (Sergeev, 2022).

⁴ О топике (или топологии) и метрике значимы работы М.К. Мамардашвили (Mamardashvili, 1995, 2014, 2015) и В.В. Бибихина (Bibikhin, 2019). Различные моменты соотношения метрики и топике рассматриваются А.М. Сергеевым (Sergeev, 2020).

и человека, и народ выходить из метрики и собирать себя в топике. Именно выпадая из метрики в топик, индивид оказывается соотношенным с миром. В деле оборачивания мира пространством, а пространства – миром, т.е. оборачивания топика метрикой, а метрики – топикой, сохраняет и отстаивает себя двоичный ход всего того, что значимо для индивидуальной жизни. Так сохраняют себя тезис и антитезис, сохраняет себя противоречивость нашей жизни.

Пребывая в метрике, индивид может руководствоваться не только ею или даже совсем не ею, но топикой. Индивидуальное «Я» проявляется именно в присутствии, и такое присутствие как раз и проявляется в метрике вместе с расположением в ней индивида. В метрике присутствия нет: оно входит в метрику благодаря индивиду и исключительно его посредством. Являясь расширенным пониманием присутствия, топика оказывается причиной расширенного или суженного, но всегда дополнительного понимания метрики.

Простор мира и человек

Мир вмещает индивида и дает ему быть, в этом и проявляется его свобода. Он может наполняться простором, глубиной и силой мира. Но индивид оказывается также и границей мира. Он способен отдаваться и отдает себя тому, что есть в мире, способен наполняться и наполняется разными содержаниями, но прежде этого в него входит простор и глубина мира, благодаря чему он только и способен наполняться разным. Простор и глубина позволяют индивиду не только заполнить их собою, но и оказываются приглашением индивида внести простор и глубину в самого себя, создавая возможность дать простору и глубине состояться в этой индивидуальности, возможность состояться простору и глубине мира.

Человек сам и есть объем мира. Еще до того, когда что-то привносится человеком в пространство, само его жизненное пространство уже наполнено миром, даже если он не знает об этом, как это бывает с ребенком или подростком, полагающим, что пространство его жизни является пустым

и пока не заполненным. Как раз благодаря тому, что отдельные содержания жизненного пространства человека связаны с целым миром, они и выделены этим из остального. Прорастает то, во что вкладывает себя человек. Остается понять, что в нашей жизни – от нас и как оно связано с миром; остается понять, благодаря чему содержание нашей жизни может идти в рост и становиться различаемым от всего другого и заметным.

Индивид прорастает товширь, то вглубь. Он нуждается в том, чтобы жить то внешним миром, осваивая пространство, то внутренним миром, углубляя себя. Каждое из этих предпочтений способно стать сознательной установкой индивидуальной жизни человека и установкой в исторической жизни отдельных народов. В сопоставлении и противопоставлении этих двух начал, их пересечении и взаимосвязи одно будет обуславливать собой другое. Внутренний мир человека определяется на основании действий символизации и не обходится без символов: внутреннему мало знаков, ему нужны особенные – сугубо свои, и ничьи больше – знаки, т.е. символы. Индивидуальная жизнь народа также нуждается в актах символизации, сохраняющих его единство и образующих его целое. Вместе с тем и человек, и народ не могут существовать без знаков и их конвертации со знаками других людей и народов. Иначе говоря, значимым моментом существования индивидуальностей является формирование идеологического измерения жизни⁵.

Вопрос согласования символического и идеологического измерений в индивидуальных знаковых системах является одним из наиболее значимых проблем геополитики. Теоретическое решение этого вопроса возможно только на «нейтральной» территории, но не на каком-то одном – символическом или идеологическом – основании. Важно не утратить само отношение одного и другого. Нивелировать двойственность

⁵ В этом отношении интересно обратить внимание на раннюю работу М.М. Бахтина под псевдонимом В.Н. Волошинов (Voloshinov, (M.M. Bakhtin), 1993). О соотношении символов и знаков, символического и знакового начал смотри следующее издание (Mamadashvili, Piatigorskii, 1997).

и противоречивость между символической и идеологической размерностями можно, только задавая тенденциозное «прочтение» такого отношения, т.е. искусственным образом. Само противоречие тезиса и антитезиса необходимо сохранять в принципиально не ослабленном состоянии, тогда как любой их синтез следует рассматривать как

временную комбинацию, наряду с возможностями других.

Индивидуальное бытие человека и индивидуальное бытие народа, как и их жизненное метрическое пространство, должны пониматься исходя из топики, иначе не ясно, за что готовы стоять и человек, и народ, даже ценой всего себя.

Список литературы / References

- Benveniste E. *Obshchaia lingvistika [General Linguistics]*. Transl. from French. General ed., introductory article and commentary by Yu. S. Stepanov. Ed. 4th]. Moscow, LIBROCOM, 2010. 448 p.
- Bibikyin V. V. *Vitgenshtein. Lektsii i seminary 1994–1996 godov [Wittgenstein. Lectures and seminars 1994–1996]*. St. Petersburg, Nauka, 2019. 612 p.
- Bibikyin V. V. *Vitgenshtein: smena aspekta [Wittgenstein: the change of aspect]*. Moscow, Institute of Philology, Theology and History of St. Thomas, 2005. 576 p.
- Bibikyin V. V. *Mir [The World]*. Tomsk: Aquarius, 1995. 144 p.
- Bibikyin V. V. *Otdel'nye zapisi 1965–1989 godov [Separate records of 1965–1989]*. St. Petersburg, Vladimir Dal, 2022. 814 p.
- Florensky P. A., priest. *Stat' i issledovaniia po istorii i filosofii iskusstva i apkhologii [Articles and research on the history and philosophy of art and archeology]*. Ed. by Hegumen Andronik (A. S. Trubachev). Moscow, Mysl, 2000. 446 p.
- Levi-Strauss K. *Mifologiki (v 4-kh t.) T. 1: Syroe i prigotovlennoe [Mythologics (in 4 volumes). Vol. 1: Raw and cooked]*. Translated from French by Z. A. Sokuler, K. Z. Hakobyan; ed. by E. O. Puchkova]. Moscow; St. Petersburg, University Book, 2000. 402 p.
- Mamardashvili M. K. *Lektsii o Pruste (psikhologicheskaiia topologia puti) [Lectures on Proust (psychological topology of the path)]*. Moscow, AD MARGINEM, 1995. 547 p.
- Mamardashvili M. K. *Psikhologicheskaiia topologia puti [Psychological topology of the path]*. Moscow, Merab Mamardashvili Foundation, 2014. 1232 p.
- Mamardashvil M. K. *Psikhologicheskaiia topologia puti [Psychological topology of the path]*. Moscow, Merab Mamardashvili Foundation, 2015. 1071 p.
- Mamardashvili M. K., Piatigorskii A. M. *Simvol i soznanie. Metafizicheskie passyzhdeniia o soznanii, simbolike i iazyke [Symbol and Consciousness. Metaphysical reasoning about consciousness, symbolism and language]*. Moscow: School “Languages of Russian culture”, 1997. 224 p.
- Sergeev A. M. *Blizkie mysli [Close thoughts]*. St. Petersburg, Vladimir Dal, 2020. 350 p.
- Sergeev A. M. *Nachala i kohtsy [Beginnings and ends]*. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2022. 294 p.
- Voloshinov V. N. (M. M. Bakhtin) *Marksizm i filosofia iazyka: Osnovnye problemy sotsyologicheskogo metoda v nauke o iazyke [Marxism and the philosophy of language: The main problems of the sociological method in the science of language. Com. V. Makhlina]*. Moscow, Labyrinth, 1993. 192 p.